

ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт
имени М. Е. Евсевьева»
МАЛАЯ ШКОЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ
г. Саранск, ул. Студенческая, 13. Тел. 33-92-56, 33-92-57
www.mordgpi.ru

II Открытая олимпиада школьников 2013–2014 учебный год

ЛИТЕРАТУРА

11 класс

1. АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ – КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА
(прозаический ИЛИ поэтический – выбор участника олимпиады)

Вариант 1

В.Т. Шаламов

Апостол Павел

Когда я вывихнул ступню, сорвавшись в шурфе со скользкой лестницы из жердей, начальству стало ясно, что я прохромаю долго, и так как без дела сидеть было нельзя, меня перевели помощником к нашему столяру Адаму Фризоргеру, чему мы оба – и Фризоргер и я – были очень рады.

В своей первой жизни Фризоргер был пастором в каком-то немецком селе близ Маркштадта на Волге. Мы встретились с ним на одной из больших пересылок во время тифозного карантина и вместе приехали сюда, в угольную разведку. Фризоргер, как и я, уже побывал в тайге, побывал и в доходягах и полусумасшедшим попал с прииска на пересылку. Нас отправили в угольную разведку как инвалидов, как обслугу – рабочие кадры разведки были укомплектованы только вольнонаемными. Правда, это были вчерашние заключенные, только что отбывшие свой "термин", или срок, и называвшиеся в лагере полупрезрительным словом "вольняшки". Во время нашего переезда у сорока человек этих вольнонаемных едва нашлось два рубля, когда понадобилось купить махорку, но все же это был уже не наш брат. Все понимали, что пройдет два-три месяца, и они приоденутся, могут выпить, паспорт получают, может быть, даже через год уедут домой. Тем ярче были эти надежды, что Парамонов, начальник разведки, обещал им огромные заработки и полярные пайки. "В цилиндрах домой поедете", – постоянно твердил им начальник. С нами же, арестантами, разговоров о цилиндрах и полярных пайках не заводилось.

Впрочем, он и не грубил нам. Заключенных ему в разведку не давали, и пять человек в обслугу – это было все, что Парамонову удалось выпросить у начальства.

Когда нас, еще не знавших друг друга, вызвали из бараков по списку и доставили пред его светлые и пронизательные очи, он остался весьма доволен опросом. Один из нас был печник, седоусый остряк ярославец Изгибин, не потерявший природной бойкости и в лагере. Мастерство ему давало кое-какую помощь, и он не был так истощен, как остальные. Вторым был одноглазый гигант из Каменец-Подольска – "паровозный кочегар", как он отрекомендовался Парамонову.

– Слесарить, значит, можешь маленько, – сказал Парамонов.

– Могу, могу, – охотно подтвердил кочегар. Он давно сообразил всю выгодность работы в вольнонаемной разведке.

Третьим был агроном Рязанов. Такая профессия привела в восторг Парамонова. На рваное тряпье, в которое был одет агроном, не было обращено, конечно, никакого внимания. В лагере не встречают людей по одежке, а Парамонов достаточно знал лагерь.

Четвертым был я. Я не был ни печником, ни слесарем, ни агрономом. Но мой высокий рост, по-видимому, успокоил Парамонова, да и не стоило возиться с исправлением списка из-за одного человека. Он кивнул головой.

Но наш пятый повел себя очень странно. Он бормотал слова молитвы и закрывал лицо руками, не слыша голоса Парамонова. Но и это начальнику не было внове. Парамонов повернулся к нарядчику, стоявшему тут же и державшему в руках желтую стопку скоросшивателей – так называемых "личных дел".

– Это столяр, – сказал нарядчик, угадывая вопрос Парамонова. Прием был закончен, и нас увезли в разведку.

Фризорггер после рассказывал мне, что, когда его вызвали, он думал, что его вызывают на расстрел, так его запугал следователь еще на прииске. Мы жили с ним целый год в одном бараке, и не было случая, чтобы мы поругались друг с другом. Это редкость среди арестантов и в лагере, и в тюрьме. Ссоры возникают по пустякам, мгновенно ругань достигает такого градуса, что кажется – следующей ступенью может быть только нож или, в лучшем случае, какая-нибудь кочерга. Но я быстро научился не придавать большого значения этой пышной ругани. Жар быстро спадал, и если оба продолжали еще долго лениво отругиваться, то это делалось больше для порядка, для сохранения "лица".

Но с Фризорггером я не ссорился ни разу. Я думаю, что в этом была заслуга Фризорггера, ибо не было человека мирнее его. Он никого не оскорблял, говорил мало. Голос у него был старческий, дребезжащий, но какой-то искусственно, подчеркнуто дребезжащий. Таким голосом говорят в театре молодые актеры, играющие стариков. В лагере многие стараются (и небезуспешно) показать себя старше и физически слабее, чем на самом деле. Все это делается не всегда с сознательным расчетом, а как-то инстинктивно. Ирония жизни здесь в том, что большая половина людей, прибавляющих себе лета и убавляющих силы, дошли до состояния еще более тяжелого, чем они хотят показать.

Но ничего притворного не было в голосе Фризорггера.

Каждое утро и вечер он неслышно молился, отвернувшись от всех в сторону и глядя в пол, а если и принимал участие в общих разговорах, то только на религиозные темы, то есть очень редко, ибо арестанты не любят религиозных тем. Старый похабник, милейший Изгибин, пробовал было подсмеиваться над Фризорггером, но остроты его были встречены такой мирной улыбкой, что изгибинский заряд шел вхолостую. Фризорггера любила вся разведка и даже сам Парамонов, которому Фризорггер сделал замечательный письменный стол, проработав над ним, кажется, полгода.

Наши койки стояли рядом, мы часто разговаривали, и иногда Фризорггер удивлялся, по-детски взмахивая небольшими ручками, встретив у меня знание каких-либо популярных евангельских историй – материал, который он по простоте душевной считал достоянием только узкого круга религиозников. Он хихикал и очень был доволен, когда я обнаруживал подобные познания. И, воодушевившись, принимался рассказывать мне то евангельское, что я помнил нетвердо или чего я не знал вовсе. Очень ему нравились эти беседы.

Но однажды, перечисляя имена двенадцати апостолов, Фризорггер ошибся. Он назвал имя апостола Павла. Я, который со всей самоуверенностью невежды считал всегда апостола Павла действительным создателем христианской религии, ее основным теоретическим вождем, знал немного биографию этого апостола и не упустил случая поправить Фризорггера.

– Нет, нет, – сказал Фризорггер, смеясь, – вы не знаете, вот. – И он стал загибать пальцы. – Питер, Пауль, Маркус...

Я рассказал ему все, что знал об апостоле Павле. Он слушал меня внимательно и молчал. Было уже поздно, пора было спать. Ночью я проснулся и в мерцающем, дымном свете коптилки

увидел, что глаза Фризоргера открыты, и услышал шепот: "Господи, помоги мне! Питер, Пауль, Маркус..." Он не спал до утра. Утром он ушел на работу рано, а вечером пришел поздно, когда я уже заснул. Меня разбудил тихий старческий плач. Фризоргер стоял на коленях и молился.

– Что с вами? – спросил я, дождавшись конца молитвы.

Фризоргер нашел мою руку и пожал ее.

– Вы правы, – сказал он. – Пауль не был в числе двенадцати апостолов. Я забыл про Варфоломея. Я молчал.

– Вы удивляетесь моим слезам? – сказал он. – Это слезы стыда. Я не мог, не должен был забывать такие вещи. Это грех, большой грех. Мне, Адаму Фризоргеру, указывает на мою непростительную ошибку чужой человек. Нет, нет, вы ни в чем не виноваты – это я сам, это мой грех. Но это хорошо, что вы поправили меня. Все будет хорошо.

Я едва успокоил его, и с той поры (это было незадолго до вывиха ступни) мы стали еще большими друзьями.

Однажды, когда в столярной мастерской никого не было, Фризоргер достал из кармана засаленный матерчатый бумажник и поманил меня к окну.

– Вот, – сказал он, протягивая мне крошечную обломанную фотографию – "моменталку". Это была фотография молодой женщины, с каким-то случайным, как на всех снимках "моменталок", выражением лица. Пожелтевшая, потрескавшаяся фотография была бережно обклеена цветной бумажкой.

– Это моя дочь, – сказал Фризоргер торжественно. – Единственная дочь. Жена моя давно умерла. Дочь не пишет мне, правда, адреса не знает, наверно. Я писал ей много и теперь пишу. Только ей. Я никому не показываю этой фотографии. Это из дому везу. Шесть лет назад я ее взял с комода.

В дверь мастерской бесшумно вошел Парамонов.

– Дочь, что ли? – сказал он, быстро оглядев фотографию.

– Дочь, гражданин начальник, – сказал Фризоргер, улыбаясь.

– Пишет?

– Нет.

– Чего ж она старика забыла? Напиши мне заявление о розыске, я отошлю. Как твоя нога?

– Хромаю, гражданин начальник.

– Ну, хромай, хромай. – Парамонов вышел. С этого времени, уже не таясь от меня, Фризоргер, окончив вечернюю молитву и улегшись на койку, доставал фотографию дочери и поглаживал цветной ободочек.

Так мы мирно жили около полугода, когда однажды привезли почту. Парамонов был в отъезде, и почту принимал его секретарь из заключенных Рязанов, который оказался вовсе не агрономом, а каким-то эсперантистом, что, впрочем, не мешало ему ловко снимать шкуры с павших лошадей, гнуть толстые железные трубы, наполняя их песком и раскаляя на костре, и вести всю канцелярию начальника.

– Смотри-ка, – сказал он мне, – какое заявление на имя Фризоргера прислали.

В пакете было казенное отношение с просьбой познакомить заключенного Фризоргера (статья, срок) с заявлением его дочери, копия которого прилагалась. В заявлении она коротко и ясно писала, что, убедившись в том, что отец является врагом народа, она отказывается от него и просит считать родство не бывшим.

Рязанов повертел в руках бумажку.

– Экая пакость, – сказал он. – Для чего ей это нужно? В партию, что ли, вступает?

Я думал о другом: для чего пересылать отцу-арестанту такие заявления? Есть ли это вид своеобразного садизма, вроде практиковавшихся извещений родственникам о мнимой смерти заключенного, или просто желание выполнить все по закону? Или еще что?

– Слушай, Ванюшка, – сказал я Рязанову. – Ты регистрировал почту?

– Где же, только сейчас пришла.

– Отдай-ка мне этот пакет. – И я рассказал Рязанову, в чем дело.

– А письмо? – сказал он неуверенно. – Она ведь напишет, наверное, и ему.

– Письмо ты тоже удержишь.

– Ну бери.

Я скомкал пакет и бросил его в открытую дверцу топящейся печки.

Через месяц пришло и письмо, такое же короткое, как и заявление, и мы его сожгли в той же самой печке.

Вскоре меня куда-то увезли, а Фризоргер остался, и как он жил дальше – я не знаю. Я часто вспоминал его, пока были силы вспоминать. Слышал его дрожащий, взволнованный шепот: "Питер, Пауль, Маркус..."

1954

Вариант 2

Ольга Седакова

Элегия переходящая в Реквием

Tuba mirum spargens sonum...¹

1

Подлец ворует хлопок. На неделе
постановили, что тискам и дрели
пора учить грядущее страны,
то есть детей. Мы не хотим войны.
Так не хотим, что задрожат поджилки
кой у кого.

А те под шум глушилки
безумство храбрых славят: кто на шаре,
кто по волнам бежит, кто переполз
по проволоке с током, по клоаке –
один как перст, с младенцем на горбе –
безвестные герои покидают
отечества таинственные, где

подлец ворует хлопок. Караваны,
вагоны, эшелоны... Белый шум...
Мы по уши в бесчисленном сырце.
Есть мусульманский рай или нирвана
в обильном хлопке; где-нибудь в конце
есть будущее счастье миллиардов:
последний враг на шаре улетит –
и тишина, как в окнах Леонардо,
куда позирующий не глядит.

2

Но ты, поэт! классическая туба
не даст соврать; неслышимо, но грубо
военный горн, неодолимый горн
велит через заставы карантина:
подъем, вставать!
Я, как Бертран де Борн,
хочу оплакать гибель властелина,
и даже двух.

Мне провансальский дух
внушает дерзость. Или наш сосед
не стоит плача, как Плантагенет?

От финских скал до пакистанских гор,
от некогда японских островов
и до планин, когда-то польских; дале —
от недр земных, в которых ни луча —
праматерь нефть, кормилица концернов, —
до высоты, где спутник, щебеча,
летит в капкан космической каверны, —

пора рыдать. И если не о нем,
нам есть о чем.

3

Но сердце странно. Ничего другого
я не могу сказать. Какое слово
изобразит его прискорбный рай? —
Что ни решай, чего ни замышляй,
а настигает состраданья мгла,
как бабочку сачок, потом игла.

На острие чьего-нибудь крушенья
и выставят его на обозренье.

Я знаю неизвестно от кого,
что нет злорадства в глубине его —
там к существу выходит существо,
поднявшееся с горном состраданья
в свой полный рост надгробного рыданья.

Вот с государственного катафалка,
засыпана казенными слезами
(давно бы так!) — закрытыми глазами
куда глядит измученная плоть,
в путь шедше скорбный?...
Вот Твой раб, Господь,
перед Тобой. Уже не перед нами.

Смерть — Госпожа! чего ты не коснешься,
все обретает странную надежду —
жить наконец, иначе и вполне.

То дух, не приготовленный к ответу,
с последним светом повернувшись к свету,
вполне один по траурной волне
плывет. Куда ж нам плыть...

4

Прискорбный мир! волшебная красильня,
торгующая красками надежды.
Иль пестрые, как Герион, одежды
мгновенно выбелит гидроперит
немногих слов: «Се, гибель предстоит...»?
Нет, этого не видывать живым.
Оплачем то, что мы хороним с ним.

К святым своим, убитым, как собаки,
зарытым так, чтоб больше не найти,
безропотно, как звезды в зодиаке,
пойдем и мы по общему пути,
как этот. Без суда и без могилы
от кесаревича до батрака
убитые, как это нужно было,
давно они глядят издалека.

– Так нужно было, – изучали мы, –
для быстрого преодоления тьмы. –
Так нужно *было*. То, что нужно *будет*,
пускай теперь кто хочет, тот рассудит.

Ты, молодость, прощай. Тебя упырь
сосал, сосал и высосал. Ты, совесть,
тебя едва ли чудо исцелит:
да, впрочем, если где-нибудь болит,
уже не здесь. Чего не убережь,
о том не плачут. Ты, родная речь,
наверно, краше он в своем гробу,
чем ты теперь.

О тех, кто на судьбу
махнул – и получил свое.
О тех,
кто не махнул, но в общее болото
с опрятным отвращением входил,
из-под полы болтая анекдоты.
Тех, кто допился. Кто не очень пил,
но хлопок воровал и тем умножил
народное богатство. Кто не дожил,
но более – того, кто пережил!

5

Уж мы-то знаем: власть пуста, как бочка
с пробитым дном. Чего туда ни лей,
ни сыпь, ни суй – не сделаешь полней

ни на вершок. Хоть полстраны – в мешок
да в воду, хоть грудных поставь к болванке,
хоть полпланеты обойди на танке –
покоя нет. Не снится ей покой.
А снится то, что *будет* под рукой,
что быть *должно*. Иначе кто тут правит?

Кто посреди земли себя поставит,
тот пожелает, чтоб земли осталось
не более, чем под его пятой.
Власть движется, воздушный столп витой,
от стен окоченевшего кремля
в загробное молчание провинций,
к окраинам, умершим начеку,
и дальше, к моджахедскому полку –
и вспять, как отраженная волна.

6

Какая мышеловка. О, страна –
какая мышеловка. Гамлет, Гамлет,
из рода в род, наследнику в наследство,
как перстень – рок, ты камень в этом перстне,
пока идет ужаленная пьеса,
ты, пленный дух, изнемогая в ней,
взгляни сюда: здесь, кажется, страшней.

Здесь кажется, что притча – Эльсинор,
а мы пришли глядеть истолкованье
стократное. Мне с некоторых пор
сверх меры мерзостно претерпеванье,
сверх меры тошно. Ото всех сторон
крадется дрянь, шурша своим ковром,
и мелким стратегическим пунктиром
отстукивает в космос: tuba... mirum...²

Моей ученой юности друзья,
любезный Розенкранц и Гильденстерн!
Я знаю, вы ребята деловые,
вы скажете, чего не знаю я.
Должно быть, так:
найти себе чердак
да поминать, что это не впервые,
бывало хуже. Частному лицу
космические спазмы не к лицу.
А кто, мой принц, об этом помышляет,
тому гордыня печень разрушает
и теребит мозги. Но кто смирен –
живет, не вымогая перемен,
а трудится и собирает плод
своих трудов. Империя падет,
палач ли вознесется высоко –
а кошка долакает молоко
и муравей достроит свой каркас.

Мир, как бывало, держится на нас.
А соль земли, какую в ссоре с миром
вы ищете, – есть та же Tuba mirum...

– Так, Розенкранц, есть та же Tuba mirum,
есть тот же Призрак, оскорбленный миром,
и тот же мир.

7

Прощай, тебя забудут – и скорей,
чем нас, убогих: будущая власть
глотает предыдущую, давясь, –
портреты, афоризмы, ордена...
Sic transit gloria³. Дальше – тишина,
как сказано.
Не пугало, не шут
уже, не месмерическая кукла,
теперь ты – дух, и видишь всё как дух.

В ужасном восстановленном величье
и в океане тихих, мощных сил
теперь молись, властитель, за народ...

8

Мне кажется порой, что я стою
у океана.
– Бедный заклинатель,
ты вызывал нас? так теперь гляди,
что будет дальше...
– Чур, не я, не я!
Уволь меня. Пусть кто-нибудь другой.
Я не желаю знать, какой тоской
волнуется невиданное море.
«Внизу» – здесь это значит «впереди».
Я ненавижу приближенье горя!

О, взять бы всё – и всем и по всему,
или сосной, макнув ее в Везувий,
по небесам, как кто-то говорил, –
писать, писать единственное слово,
писать, рыдая, слово: ПОМОГИ!

огромное, чтоб ангелы глядели,
чтоб мученики видели его,
убитые по нашему согласью,
чтобы Господь поверил – ничего
не остается в ненавистном сердце,
в пустом уме, на скаредной земле –
мы *ничего* не можем. Помогите!

¹ Tuba mirum spargens sonum – Труба, чудный сея звук (лат.). Первая строка строфы латинского Реквиема:

Tuba mirum spargens sonum

per sepulcra regionum

cogit omnes ante thronum –

Труба, чудный сея звук Над могилами разных стран, Гонит всех к престолу (Бога Судии).

² tuba... mirum... – труба... чудный... (лат.)

³ Sic transit gloria. – Так преходит слава (лат.). Полная фраза: Sic transit gloria mundi – так преходит слава мира сего

Критерии оценки аналитического задания

Обязательно оцениваются:

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту.

Максимально 25 баллов. Шкала оценок: 10 – 15 – 20 – 25

2. Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту.

Максимально 20 баллов. Шкала оценок: 5 – 10 – 15 – 20

3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 2 – 5 – 8 – 10

4. Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие языковых, речевых, грамматических ошибок). Если в среднем более трех ошибок на страницу текста, работа по этому критерию получает ноль баллов.

Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 1 – 2 – 3 – 5

Дополнительно оценивается:

5. Наличие оригинальных и вместе с тем обоснованных наблюдений, формулировок, параллелей. При наличии дополнительных баллов нужна мини-рецензия.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 2 – 5 – 8 – 10

Итого: максимальный балл – 70

2. ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Напишите **связный** текст литературоведческого или историко-литературного, или учебного, или публицистического характера, включив в него максимальное количество из следующих 10 слов (словосочетаний):

фантастический рассказ, «человек из подземелья», икона в руках, тема палача и жертвы, режиссер Евгений Ростовский, рассказ-исповедь; отставной штабс-капитан, родовой дворянин; молчание в диалоге, ростовщик, тема самоубийства

Приступая к работе, сначала придумайте и кратко письменно объясните, где и как мог бы быть использован этот текст, определите **жанр** сочинения. Старайтесь выбрать **стиль** текста в соответствии с задуманным жанром. Закончив работу, **подчеркните** в тексте слова и словосочетания из приведенного списка.

Критерии оценки творческого задания

1. Уместность и корректность употребления приведенных в задании слов (словосочетаний) – по 1 баллу за слово (словосочетание).

Максимально 10 баллов.

2. Соответствие выбранного учеником жанра композиционно-стилистическому воплощению текста.

Максимально 5 баллов.

3. Знакомство с историко-культурным и теоретико-литературным контекстом и умение ориентироваться в них.

Максимально 5 баллов.

4. Связность и стройность работы, точность и выразительность речи, разнообразие синтаксических конструкций.

Максимально 5 баллов.

5. Оригинальность работы (необычность замысла и воплощения, неожиданность ассоциаций, интересные находки, оригинальность «сюжета», стилистическая свежесть и т.п.)

Максимально 5 баллов.

Итого: максимальный балл – 30 баллов